

Лазурский Александр Федорович

**Психология общая и
экспериментальная**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Федорович Л.**
Психология общая и экспериментальная / Лазурский Александр Федорович –
М.: Книга по Требованию, 2022. – 291 с.

ISBN 978-5-519-92298-2

ISBN 978-5-519-92298-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Книга проф. А. Ф. Лазурского выходит новым изданием в то время, когда и русская психологическая наука, и преподавание психологических дисциплин в высших учебных заведениях переживают острый кризис. С одной стороны, успехи физиологической мысли, проникшей методами точного естествознания в самые сложные и трудные области высшей нервной деятельности; с другой — все возрастающая оппозиция внутри самой же психологической науки по отношению к традиционным системам эмпирической психологии, — обусловили и определили собой этот кризис. К этому присоединилось еще совершенно неизбежное и естественное стремление, общее почти для всего нынешнего российского фронта культуры, — пересмотреть основы и принципы психологии в свете диалектического материализма, связать научно-исследовательскую, теоретическую разработку и преподавание этой науки с более общими и фундаментальными предпосылками философского характера.

Вся эта сложная обстановка — и теоретическая, и педагогическая, — создавшаяся благодаря кризису и реформе психологии, требует непременно некоторых предварительных пояснений для всякого вновь выходящего сочинения по этим вопросам, особенно, для переиздаваемых ныне прежних курсов.

Курс проф. А. Ф. Лазурского составиля лет пятнадцать тому назад из лекций, читанных студентам одной из высших петербургских школ, и предназначался, как учебное пособие для этого курса в высшей школе. Этому своему назначению он отвечал и удовлетворял в полной мере. Написанный с исключительной простотой, ясностью и доступностью изложения, он соединяет

в себе необходимые для всякого учебника достоинства: полную научность всего сообщаемого в нем материала с педагогически-целесообразным, кратким и систематическим его распределением. Ныне книга выходит в свет третьим изданием и, в первую очередь, должна, по нашей мысли, исполнить то же назначение — дать нашей школе руководство к курсу психологии и тем самым помочь и преподавателю, и студенту выйти из того кризиса, который школой практически ощущается раньше и острее всего, как отсутствие учебника.

Именно это практическое назначение нового издания заставило не просто перепечатать текст книги с предыдущего издания в том виде, в каком он сложился под рукой самого автора, а подвергнуть курс некоторой критической редакции, которая осуществлена для настоящего издания ассистентами Психологического Института при 1-м Московском Государственном Университете В. А. Артемовым, Н. Ф. Добрыниным, А. Р. Лурия и пишущим эти страницы. Задача была в высшей степени трудная. Требовалось, с одной стороны, сохранить весь пиетет к научному и педагогическому наследию такого крупного ученого, как почтенный проф. А. Ф. Лазурский, избежать всяческого искажения и вульгаризации его мысли, сохранить, в меру возможности, в нетронутом и точном виде и дух, и даже букву его книги, способ его выражения, как бы интонации и паузы его курса. С другой стороны, необходимо было дать в руки студенту учебник по курсу психологии, который он прослушал в 1925 году, т.-е. учесть и внести в книгу все те необходимые поправки на время, которые всегда нарастают на учебной литературе за 10—15 лет, но которые возросли особенно ощутительно и явно именно за последнее десятилетие — годы кризиса.

Задача эта, очевидно для всякого, невыполнима в полной мере. Поэтому и на настоящую попытку приходится смотреть, как на компромисс, как на некоторое половинчатое решение вопроса, которое может создать временный учебник переходного типа, но никак не разрешить вопрос нацело и окончательно созданием нового учебника того типа, который отвечал бы всем предъявляемым к нему нынешним состоянием науки требованиям. Такой учебник нового типа — дело будущего. Переходным же к нему

временным пособием может вполне, по нашему суждению, служить курс проф. А. Ф. Лазурского. За это говорит та, в общем, совершенно здоровая научная почва, на которой стоял автор в своей педагогической и теоретической работе и на которой построен его курс.

«Одной из наиболее характерных черт современной психологии,—начинается этот курс,—можно считать постепенное превращение ее в точную науку—в том смысле слова, в каком мы применяем этот термин по отношению к естествознанию». В этом «постепенном превращении» мы стоим сейчас перед такими радикальными попытками реформы нашей науки, что точка зрения автора курса может легко показаться слишком умеренной и «постепенной». Но он был, несомненно, из тех психологов, которые были на пути к превращению психологии в точную науку. Его общебиологическая точка зрения да психику, трактующая все вопросы психологии, как проблемы биологического порядка; его исходное утверждение, что «все психические функции также имеют свою физиологическую сторону», иначе говоря, что чисто психических процессов в организме нет («процесс творчества,—говорит он, между прочим,—подобно всем остальным душевным явлениям, есть процесс психо-физиологический, т. - е. имеющий свой определенный физиологический коррелят»); убеждение в совершенной закономерности психической деятельности; наконец, учение о целостном характере личности, утверждающее, что «наша психическая организация дана нам, как нечто целое, как связанное, организованное единство», — все это настолько совпадает с основными принципами биологической и реалистической психологии, что ставит книгу в гораздо большую близость к современности, чем целый ряд других университетских курсов, созданных даже в совсем недавнее время. К этому надо прибавить редкую сравнительно для русского университетского курса особенность, именно внесение в курс элементов и данных экспериментальной психологии, и общий трезвый и прозрачный дух естествоведа и реалиста, проникающий всю книгу.

Вот те неоспоримые достоинства учебника, точки соприкосновения его с вновь возникающей научной психологией, которые необходимо было воздвигнуть на первое время, подчеркнуть и сде-

лать доминирующими в книге. Но для того, чтобы обеспечить за ними преобладание, пришлось с величайшей осторожностью внести некоторые видоизменения в самый текст. В общем все изменения текста, т.-е. техническая сторона проделанной над книгой редакционной работы, сводится к следующему.

Исключена из книги глава XXI (во втором издании) — «религиозные чувства». Глава эта, органически не связанная с курсом, не входящая непременно составной частью в систему курса, и в научном отношении не представляет какой-либо серьезной и оригинальной ценности. Это не больше как маленькое ответвление в главе о психологии чувства, ничуть не обязательное и внутренне не необходимое. К тому же едва ли в какой другой области положения автора могут оказаться столь спорными, столь научно неустановленным еще самый психологический анализ веры и религиозных представлений таким предположительным и недостоверным, как именно в этой* главе. Поэтому было бы крайне нецелесообразно сохранять в учебной книге спорный и односторонний материал, к тому же потерявший за последние годы, в связи с общим культурным переломом, почти в окончательной мере интерес. В современном университетском курсе такой главы, разумеется, не может быть — следовательно, не должно ее быть и в учебнике, призванном обслуживать этот курс.

Еще выпущена одна страница из главы I «Предмет и задачи», где автор в разрез с общей своей точкой зрения защищает право науки на введение гипотез и утверждает, что «в этом смысле понятие души как основы наблюдаемых нами психических процессов, имеет полное право на существование». Это отбрасывает нас так далеко назад в прошлое даже по сравнению с эмпирической психологией, этой психологией без души, что прозвучало бы несомненным и резким диссонансом в курсе научной психологии.

В остальном текст перепечатан полностью со второго издания с ничтожными пропусками отдельных слов, полуфраз, примечаний и прочее. Эти пропуски вызывались большей частью чисто техническими и стилистическими требованиями в зависимости от некоторых дополнений, которые нами введены в текст. Мы считали себя в праве сделать это, так как исходили из того убеждения, что учебник не песня, из которой слова не выкинешь, и что

пропуск одного слова или замена одного слова другим, более подходящим, по требованию контекста, никак нельзя почтить за искажение. Сделано это в крайне редких случаях,—там, где это было совершенно необходимо и неизбежно и где отказаться от этого—значило бы отказаться вовсе от редакции текста.

Сделанные в тексте поправки и внесенные в него дополнения везде заключены в квадратные скобки и тем самым выделены из текста и обозначены, как позднейшие добавления. К этому пришлось прибегнуть, потому что самый характер учебника не допускал обширных примечаний, выносок из текста, ссылок на литературу и на других авторов. Учебник должен был остаться учебником, то-есть книгой, связно и систематически излагающей учебный научный курс.

По характеру своему, добавления и поправки везде почти носили характер поправок на время: так везде, где говорится о задачах, методах и предмете психологии, нами прибавлено всякий раз [эмпирической], потому что и теоретически, и исторически утверждения автора сохраняют научную достоверность только при этой поправке; эта поправка сама собой подразумевалась и прежде, но это было излишне специально оговаривать, потому что другой психологии, кроме психологии эмпирической, для наших учебных курсов не существовало. Такой характер, в общем, носит большинство сделанных поправок. Кое-где вставлено слово для усиления мысли, для связи с контекстом, с дополнением, сделанным прежде. Кое-где опущено излишнее и вносящее туман слово; кое-где оно заменено другим опять для органической связи внесенных дополнений с общим контекстом.

Наконец, сделанные в некоторых главах более крупные дополнения, тоже выделенные скобками, представлялись нам тем минимумом необходимых сведений, которые должны быть внесены в учебник и без которых пользование учебником было бы положительно невозможным, потому что курс, читаемый с кафедры, и курс, читаемый по книге, в этом случае разошлись бы окончательно и непоправимо. При этом дополнения эти всякий раз приходилось делать не в виде простых оговорок тех или иных положений, ссылок и беглых замечаний, но везде нужно было иметь в виду студента и излагать в двух словах самое существо

дела. Дополнения эти всякий раз делались нами с соблюдением известной исторической перспективы. Они сообщаются всегда как более поздняя научная точка зрения. Это оказалось тем уместнее, что сама книга Лазурского не представляет из себя строго замкнутой, централизованной и оригинальной психологической системы. Оригинальное научное творчество Лазурского проявилось в других отраслях его работы, но не в разработке общей системы, теоретической психологии.

При том отсутствии общепризнанной системы, которое характеризовало последние десятилетия эмпирическую психологию, психологи разных направлений и школ создавали всякий почти раз свою оригинальную систему изложения курса и по-своему толковали основные психологические категории и принципы. При таком положении дела курс проф. А. Ф. Лазурского не может быть охарактеризован иначе как составной, включающий в себя начатки нескольких систем, объединяющий множество различных пониманий и намечающий некоторую среднюю линию, равнодействующую разных психологических направлений. При этом личная точка зрения автора, которая, конечно, сказалась в самом выборе материала и объединении его достаточно ясно, скорее всего может быть названа эклектической. Это и позволяет думать, что вновь внесенные положения и сведения не окажутся органически чуждыми в системе книги, а найдут свое место в ряду других переkreпчивающихся линий курса.

При этом надо иметь в виду, что учебник, вообще, не должен строиться догматически; скорее он должен иметь осведомительный и ознакомительный характер. В наше время, как это ни антипедагогично, учебник психологии по необходимости должен в большей или меньшей степени носить критический характер. Еще не создана та новая система научной психологии, которая, ни в чем не опираясь на прежние, сумеет построить свой курс. Еще во многом основные точки зрения в науке нашей определяются чисто отрицательными признаками. Еще очень много держится в новой науке силой отталкивания и критики. Психология, как наука, говоря словами Торндайка, ближе к нулю, чем к совершенству. С другой стороны, еще слишком велика необходимость использования прежнего опыта, реализованного в старых терми-

нах; еще во всеобщем употреблении и житейского, и научного языка находятся привычные понятия и категории.

По всему этому с самого начала пришлось отказаться от мысли перевести весь курс на язык новой психологии или хотя бы ввести параллельную терминологию, классификацию и систему. Это значило бы, вместо редактирования нового издания книги А. Ф. Лазурского, написать совершенно новую книгу. Поэтому пришлось совершенно сознательно решиться на выпуск книги, излагающей систему эмпирической психологии, в терминах эмпирической психологии, в традиционной классификации и пр., и пр. Но все это хотелось несколько освежить новым научным материалом и несколько приблизить к современности. Вторая задача заключалась в сообщении книге некоторого критического принципиального материала, в критической прививке новой точки зрения.

Дело в том, что в общем и целом проф. Лазурский стоит обеими ногами на почве традиционной эмпирической психологии и разделяет с ней все те недостатки и несовершенства, которые заставляют возникающую научную психологию противопоставлять себя эмпирической психологии и стать к ней в оппозицию. Вскрыть основную линию расхождения достаточно резко и ясно, представить новую точку зрения достаточно подробно и убедительно в дополнениях, делаемых всякий раз попутно, по случайному поводу, отрывочно, никак нельзя было. Поэтому нам представлялось целесообразным в очень кратких словах сделать это во второй главе настоящего предисловия, которая могла бы дать всякому пользующемуся книгой некоторое критическое направление мысли, необходимую прививку и поставила бы его в верное отношение к той точке зрения, которая с достаточной полнотой представлена в книге Лазурского. Таким образом, вторая глава назначается для всякого читателя книги, как вступительная или дополнительная глава к книге.

Мы вполне отдаем себе отчет в том, что этим самым мы в гораздо большей степени, не врываясь совершенно в текст, изменяем основной тон и смысл книги, чем всеми теми незначительными пропусками, замечками и поправками, которые сделаны в тексте и оговорены выше. Но мы и в данном случае полагали, что и для памяти А. Ф. Лазурского будет более лестно, если

учебник его, хоть и в критическом восприятии, будет введен вновь в нашу школу, для которой он единственно и создавался, чем если он будет сдан окончательно в архив,—тем более, что А. Ф. Лазурский, сам не только ученый, но и общественник и педагог, несомненно, и сам бы не повторил дословно сейчас своего вторичного издания. Это можно утверждать с уверенностью, хотя и рискованно гадать о том, какую бы он сейчас занял позицию. И для школы полезнее использовать, хоть и критически, годный материал, чем остаться совершенно без учебника; на все переходное время.

II.

Было бы глубокой ошибкой считать, что кризис в психологической науке начался в последние годы, с возникновением направлений и школ, ставших в оппозицию к эмпирической психологии, и что до этого в науке все было благополучно. Эмпирическая психология, сменившая рациональную или метафизическую, произвела в предмете своего изучения существенную реформу. Объявив устами Локка исследование сущности души спекуляцией, она, в согласии с общим научным духом своего времени, эволюционировала все в том же направлении, пока не превратилась в «психологию без души», в опытную науку о душевных явлениях, или состояниях сознания, изучаемых путем внутреннего восприятия или самонаблюдения. Однако, на таком фундаменте создать общепризнанную и общеобязательную, как другие опытные науки, систему психологии не удалось, и общее состояние этой науки к концу XIX века может быть правильнее всего охарактеризовано как сильнейший разброд научной мысли, расколовшейся на множество отдельных направлений, из которых каждое защищало свою собственную систему и по-своему толковало и понимало основные и фундаментальные категории и принципы своей науки. «Можно сказать, не боясь преувеличений,—говорит по этому поводу Н. Ланге,—что описание любого психического процесса получает иной вид, будем ли мы его характеризовать и изучать в категориях психологической системы Эббингауза или Вундта, Штумпфа или Авенариуса, Мейнонга или Бинэ, Джемса или Г. Э. Мюллера». Глубокий кризис, расколовший эмпириче-

скую психологию, имел своим неизбежным следствием, с одной стороны, отсутствие единой, всеми признанной научной системы, а с другой—он делал неизбежным порождение новых психологических направлений, пытающихся найти выход из кризиса путем отказа от основных предпосылок эмпирической психологии и перехода к более устойчивым, прочным и научно-достоверным основам и источникам познания.

В самом деле, основные положения эмпирической психологии еще настолько сильно пропитаны наследием метафизической психологии, настолько тесно связаны с философским идеализмом, настолько проникнуты субъективизмом, что не представляют из себя хорошей и удобной почвы для создания единой научной системы психологии как естественной науки. Самое понятие «душевные явления» содержит в себе целый ряд элементов, непримиримых с научным естествознанием. Наследие рациональной психологии и недоверженность ее реформы сказываются здесь очень явственно. Признавать душевные явления чем-то совершенно отличным, по природе и по сущности своей, решительно ото всего остального в мире, что изучается наукой, и приписывать им такие признаки и свойства, которые опять-таки ни в чем другом, никогда и нигде в мире не обнаруживаются,— значит этим самым исключать самую возможность превращения психологии в точную естественную науку.

Наконец, материал эмпирической психологии, всегда субъективно окрашенный, всегда добытый из узкого колодца индивидуального сознания, и ее основной метод, признающий принципиальную субъективность познания психических явлений, настолько связывают науку и ограничивают ее возможности, что этим самым навсегда обрекают ее на атомизирование психики, дробление ее на множество отдельных, независимых друг от друга явлений и на неумение собрать их воедино. Эта психология была бессильна ответить на самые основные и первые для всякой науки вопросы; субъективное свидетельство о собственных переживаниях всегда оказывалось несостоятельным перед генетическими и причинными объяснениями их, перед точным и расчлененным анализом их состава, перед совершенно бесспорным и объективно достоверным констатированием их основных признаков.

Всем этим изнутри самой психологии определялась необходимость стать на объективную точку зрения и таким образом определить предмет, метод и принципы своего изучения, чтобы этим самым была обеспечена возможность построения точной и строгой научной системы. При всей неопределенности и смутности этой будущей системы, при всей несогласованности мысли среди разных направлений объективной психологии, при всей невыясненности зачастую самых основных ее положений и исходных точек,—все же можно попытаться наметить—в самых сжатых чертах—некоторые общие идеи этой научной психологии, в свете которых приходится психологу наших дней критически воспринимать и перерабатывать материал прежней психологии.

Предметом научной психологии обычно принято называть поведение человека и животных, при чем под поведением подразумевают все те движения, которые производятся только живыми существами и отличают их от неживой природы. Всякое такое движение представляет собой всегда реакцию живого организма на какое-либо раздражение, либо падающее на организм из внешней среды, либо возникающее в самом организме. Реакция есть понятие общебиологическое,—и мы одинаково можем говорить о реакциях растений, когда стебли растений тянутся к свету, о реакциях животных, когда моль летит на пламя свечи или собака выделяет слюну при показывании ей мяса; о реакциях человека, когда он, слыша звонок у входной двери, открывает ее. Во всех этих случаях мы имеем совершенно явный процесс полной реакции, начинающийся каким-либо раздражением, толчком, стимулом (свет, пламя свечи, вид мяса, звонок), затем переходящий в некоторые внутренние процессы, возникающие в организме благодаря этому толчку (химические процессы под влиянием света в растении и у моли; нервное возбуждение, восприятие, «воспоминание», «мысль»—у собаки и человека); наконец, заканчивающийся каким-либо ответным движением, действием, изменением, актом в организме (изгибание стебля, полет моли, отделение слюны, ходьба и открывание двери). Эти три момента—раздражение, переработка его в организме и ответное действие—всегда присущи всякой реакции, как в самых элементарных и простейших случаях и формах ее, где все они могут